30.10.95.

Кнышев Андрей

Андрей Кнышев, серьезный мальчишка

Если бы Кнышев сделал в своей жизни единственный выпуск "Веселых ребят", его бы и то уже никогда не забыли.

Если бы написал и опубликовал только "Тоже книгу" – сборник гомерически смешных миниатюр, каламбуров, коллажей и жизнеописаний, – ни одна антология российского смехотворчества без него не обходилась бы.

Если бы он писал только музыку, его имя занимало бы почетную строку в списке "нью-эйджевских" композиторов.

Но поскольку Кнышев делает все это вместе – его программы всю жизнь закрываются или зависают, сам он востребован во всем мире, кроме России, а супершоу "Серьезные мужчины", в котором он собрал потрясающую сбор ную шоуменов и актеров, в течение полутора лет все никак не может досняться и дофинансироваться.

Юмор Кнышева парадоксален. Временами в нем чувст вуется отчаяние. И уж точно за любой его шуткой стоит ка кое-то весьма серьезное и точное знание о жизни, чуткост к тонким движениям воздуха. Вот почему на фоне сплошно го гортанного гогота и утробного гыканья его программы остроты, фразы и просто его характерная внешность выгля дят приятным отдохновением для глаза.

(Окончание на 3-й стр.)

Семь дней – 1995 – 30 окт. – 5 нояб. с. 1, 3

149

СВОЯ ИГРА

ПЕРСОНА

Серьезный мальчишка

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– Давайте сразу о смысле жизни, а? Вот я сюда к вам ехал и знал, что мы рано или поздно все равно вырулим на смысл жизни. Так что, может, я сразу скажу?

– Нет, Андрей, погодите. Скажите сначала, почему "Серьезные мужчины" сменили "Веселых ребят". Вы что, так посерьезнели?

В общем, мы стали менее ребячливы... Хотя ребячество – это прекрасное качество. Мужчина жив только, пока в нем есть мальчишество. Но тут есть еще и заявка на суперкласс предстоящего шоу. Я не хочу, чтобы "Серьезных мужчин" называли программой. Это видеофильм, жанр на нашем телевидении уникальный и практически вымерший. То, что американцы называют "клэсси". Я хочу сделать действительно классную программу, с Кортневым, с Лысенковым, с Угольниковым, Сергеевым, Багдасаровым, со всеми, без преувеличения, лучшими представителями жанра. Под это нужны деньги. Мы работали в отвратительных условиях, при бесконечных простоях. Сейчас снято шестьдесят – семьдесят процентов материала. На завершение проекта нужно еще сто пятьдесят – триста тысяч долларов, это гигантский бюджет для программы и предельно скромный для видеофильма. И тут лопается инвестор. Я хожу по всем инстанциям, пытаясь их заинтересовать сделанным. Посылаю на заграничные конкурсы и просмотры три демонстрационных кассеты. Там все говорят: давай, давай, мы готовы это покупать и хотим смотреть! У нас же подход простой: допустим, я выпекаю торт. В торте должно быть столько-то белков, жиров и углеводов, такая-то конфигурация сахарной верхушки, такие-то сложные кремовые слои. Все быстро поедают торт и через пять минут спрашивают: ням, а еще? На что я могу ответить только: в пять минут выпекается печенье. Торт требует времени. Печенье может быть не менее питательно, но это другой жанр.

– А пародии на рекламу у вас будут?

– Господи, да любой гэг может быть рекламой. Покажите что хотите, а в конце скажите: "Размножение членистоногих. Биология, седьмой класс. Банк "Факториал". Или вот... ну, понимаете, мне жалко рассказывать. Когда расскажешь, то как бы уже и не обязательно делать. Ладно, например, несколько серьезных мужчин в смокингах давят ногами разноцветные воздушные шары. Топчут прицельно, остервенело, сосредоточенно. Голос за кадром: "Как потопаешь, так и полопаешь! Банк Эскуриал".

– А вы продолжаете писать "Тоже книгу"?

– "Тоже книга" должна была сначала называться "Книга, которую я никогда не писал". Я ее действительно не писал. У меня всегда при себе маленькая толстая записная книжечка. Ее последние страницы отведены под всякие фразы и идеи, приходящие в голову постоянно. Сейчас посмотрим, что у меня там в этом отстойнике. Вот: римский полководец Нольэмоций... Эти штуки, кстати, не обязательно смешные. Вот: мудреца спросили – мудрейший, почему канарейка такого веселого желтого цвета и свистит так глупо, а соловей такой невзрачный, серый и поет так прекрасно? Потому, ответил мудрец, что канарейка всю жизнь провела на Канарах, а соловей – в Соловках.

А, еще: "Диспут в школе: "Уродливы ли старые люди?". "Летальный исход евреев". "Ради Бога, только не раздувайте слона из НАВОЗНОЙ мухи". Опечатка: вместо "Павлик Морозов" следует читать "Паблик рилейшнз". Соображение: "Сто грамм шерсти не могут быть одновременно и клубком, и веревкой". Или: японская борьба "укушу".

– Все говорят о кнышевском юморе. Он в самом деле специфичен. Что вас самого смешило в последний раз?

– Чтобы я хохотал – вспомнить довольно трудно. Но вообще... вот вам такой случай. Одно время была мода спрашивать: что ты делал четвертого октября? А двадцать первого августа? А девятнадцатого? И мы друг над другом так издевались вопросами этими. Собрались однажды на какой-то кухонно-домашне-гостевой треп, и один мой приятель вносит сливочные помадки. Конфет коробку. А в ней талончик: браковщица или фасовщица... такая-то, девятнадцатое августа 1991 года. Я представил: вот так спрашиваешь человека, где он был в такой день, а он в ответ: укладывал пома-адку...

Или еще. Я смотрю видеофильм о России, о Сибири, о парне, который работает с несовершеннолетними преступниками, в колонии, он там излагает свои какие-то соображения, как их перевоспитывать. Такой типаж, с прямым взглядом, соломенной шевелюрой, рубит воздух рукой... Дальше мы видим его уже в быту: он сидит на завалинке, а рядом, сгорбившись, ютится ехидный дедок, смолящий чинарик: потянет дым, сплюнет, еще больше съежится, потом хитренько так спрашивает: а вот ты скажи мне, – это он к положительному обращается, к перевоспитателю, – оть ты скажи мне: что они там, все эти, наверху... со своей перестройкой? Перевоспитатель прямо на него смотрит и в упор спрашивает: честно ответить? Тот: ага, честно! Вы подаетесь к экрану, и тут он сплеча рубит: не знаю! И дедок удовлетворенно говорит: оть.

– Что вы делали все те пять лет, что "Веселые ребята" не выходили?

– Ездил. Путешествовал. Когда я впервые поехал в Америку, это было все равно что на новую планету, понимаете, мы же из другого поколения... С меня какая-то короста упала. Будто я попал, что ли, под пескоструй. Когда здесь все программы закрывались или шли со скрипом, я для себя решил, что я так больше не хочу. Не скажу, что люблю США и не люблю Россию. Но там я сделал довольно много: мы с Александром Акоповым сняли и провели программу об Америке, она два раза шла здесь по РТР. В апреле–мае этого года по Би-би-си выходил такой сериал – "Рашен вандерленд", "Россия – страна чудес". Двадцатиминутные фильмы, иногда очень страшные, о закрытых госпиталях или о вокзальных бомжах... Чтобы часть телезрителей что-то поняла, а другая часть, менее мне симпатичная, острее почувствовала прелесть своей ежевечерней чашки чаю. Вот туда я сделал один фильм – о себе, об одном дне из своей жизни в таком ироническом ключе. Как с утра мне звонит приятель – и никак не может закончить разговор, потому что в России городские переговоры бесплатные. Как потом я включаю телевизор и смотрю новости. Как я выхожу из дома – а у меня под дверью вполне конкретная лужа, потому что у меня пять – шесть дней в неделю в подъезде такие вот следы посещений.

– Как сложились судьбы "Веселых ребят" после программы?

– Рощанский – Эльдар Рязанов из гэга про "Кинопанораму", помните его "О чем этот фильм? Да ни о чем!" – он сейчас профессор в городе-герое Афинах, в Греции. Умнейший, саркастичнейший человек, мне его ужасно не хватает. Преподает в консерватории, дает частные уроки игры на фортепиано. Вот видите, в Грецию попал. В колыбель человечества. Багдасаров Александр: Финляндия, трое детей. По-русски, по-моему, говорит уже хуже, чем по-фински, но работает по-прежнему блестяще, вы его увидите в "Серьезных мужчинах". Мне ведь требовался приезд всех, кто смог, кто согласился, – всех ребят из старого состава. Тоже деньги. Но я без них не мог. Алексей Язловский, из бывших КВНщиков. В Нью-Йорке – дожидается грин-карда. Лысый – актер театра на Таганке Алексей Маслов – в Париже.

– Что вы чаще всего читаете и смотрите?

– Смотрю я многое и чаще всего с одним и тем же ощущением: мне хочется кого-то сидящего рядом схватить за рукав, дернуть – ну посмотри, ну так же нельзя! Это пошло, это... я не знаю... вульгарно... это невыносимо! Гляжу – а хватать-то вроде и некого... то есть все как бы в порядке вещей: старик, да ладно!

Хотя вот мне канал Диброва нравится, отбивки в особенности. Лысенков. Виталий Вульф.

А читаю я таких авторов – серьезных, дидактических. Шопенгауэра очень люблю. Я даже хотел отметить с друзьями в ресторане день его рождения. Он очень сильный, может быть, сильнейший ум своего времени... а вот чего-то главного ему не было дано. Какого-то изначально данного гармонического видения мира. Все человек понимает, но в пределах своего уровня. А у Набокова это чувство волшебной гармонической догадки было. И Набоков со мной всегда, я его воспринимаю как живого. Но оба они для меня – под куполом Тейяра де Шардена. Я десять лет читал "Феномен человека" и всю жизнь буду читать. Эта книга должна как-то... проступить в тебе. И Монтень. Хотя – вот так говоришь, а выглядишь идиотом, снобом: он, видите ли, читает Монтеня! А я его как друга воспринимаю. Он ко мне приходит и разговаривает. Мой друг Мишель Монтень. Вот если бы "Иван Монтень" – это было бы более по-свойски, правда?

– Вы таких авторов читаете, что наверняка задумываетесь о бессмертии души.

– Конечно, задумываюсь. Оно есть.

– А доказательства?

– Ну о чем вы, право... Ну это как НЛО. Мы пытаемся их в каких-то своих терминах интерпретировать. Так нельзя. Среди океана, на каком-нибудь острове, дикарь смотрит на пролетающий самолет и думает, что этого не может быть, потому что камень же падает, а эта штука тяжелее камня! Вот так и мы говорим о бессмертии души. Человек – это... не знаю даже... как палец. Природа вытягивает пальцы, щупает ими что-то, набирает ощущения и опыт...

– Кто ваша семья?

– Я и родители. С удовольствием предвкушаю брак, но это когда-то в будущем. Слишком много обстоятельств должно сойтись.

Еще до недавнего времени был кот. Но он умер, и это была такая трагедия, что я решил котов больше не заводить. Ибо я надеюсь пережить все-таки еще нескольких котов, а это было бы совершенно невыносимо.

Беседовал Дмитрий БЫКОВ.